

О своей подруге, свидетельнице «Архипелага ГУЛАГ» Наталии Аничковой, знакомстве с Солженицыным и правилах конспирации

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1687>

🎤 22 марта 2014

Собеседник

Левитская Надежда Григорьевна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 22 марта 2014 и опубликована 20 июля 2016.

Введение

Третью беседу Надежда Левитская посвящает рассказу о своей подруге Наталье Аничковой, с которой она познакомилась в лагере и после освобождения в 1955 году продолжала общаться. Левитская рассказывает о детстве Аничковой, ее семье, муже и аресте. Также она вспоминает о времени после возвращения из лагеря: о поиске квартиры, о том, как благодаря знанию языков устроилась на работу в Библиотеку иностранной литературы, как писали письма Солженицыну. Левитская рассказывает о знакомстве с писателем, его правилах работы с помощниками, утере архива и работе над рукописью «Архипелага ГУЛАГ».

Николай Александрович Формозов: Значит, вы [\[в прошлой беседе\]](#) рассказали, как познакомились с Натальей Милиевной*.

Надежда Григорьевна Левитская: Это я рассказала?

Н.Ф.: Да, да, как она книжку принесла. И я думаю, что сейчас время о ней рассказать: о ее семье, о ее истории. То, что вы знаете, что хотите рассказать. То, что вам кажется важным.

Н.Л.: Это очень большая история.

Н.Ф.: Но мы никуда не торопимся. Потому что этот человек сыграл, по-моему, решающую роль...

* Наталья Милиевная Аничковой (1896—1975) — филологом, одной из свидетельницей «Архипелага ГУЛАГ».

Н.Л.: Во всем. Вообще в моей жизни. Она из меня человека сделала, собственно говоря. Я всю жизнь чувствовала себя «не со всеми». Все где-то, а я как-то особняком. А особенно после войны и до посадки, все время что-то надо было прятать, чего-то недоговаривать. Думаю, что вы это знаете, в какой-то мере. Вы ухватили того времечка, когда дома одно, а всюду как-то иначе. Хотя у нас в семье ничего не скрывалось, но сейчас вижу, что все-таки многого я не знала, что знаю теперь. То есть родители никогда не прятали что-то, но все-таки, по-видимому, какие-то вещи просто обсуждали сами с собой.

Н.Ф.: Например, что вы не знали?

Н.Л.: Ну, о Добржанском* все я узнала уже потом.

* Феодосий Григорьевич Добржанский (1900–1975) – генетик-эволюционист.

Н.Ф.: О том, что за фигура? То есть, вы только знали адрес?

Н.Л.: Да, знала, а что за фигура — понятия не имела. В общем, меня это не интересовало никогда. Не забывайте, что когда началась война, мне было шестнадцать лет. Была благополучная, хорошая семья, и жили, все-таки, своими интересами. И у меня в шестнадцать лет были совсем другие интересы, чем у моих родителей.

Н.Ф.: Вы более гуманитарный были человек в шестнадцать лет?

Н.Л.: Я никакой была.

Н.Ф.: Книжный, безусловно?

Н.Л.: Книжный, да. Читала взахлеб. У нас по тем временам была большая квартира, я устраивала себе какие-то уголки, где можно было, открыв дверь и закрыв этот угол, сидеть и читать. Столик можно было поставить... И последние годы мама со мной много мучилась: все гнала меня хоть выйти на улицу немножко. Я никакими лыжами, никаким спортом никогда в жизни не занималась, а все свободное время тратила именно на то, чтобы читать. Библиотека у нас хорошая была, папа всегда старался еще что-то купить. И действительно, самый лучший подарок были книги. Последний большой его подарок — собрание сочинений Шиллера по-немецки, как сейчас помню.

Н.Ф.: То есть на немецком вы читали свободно тогда?

Н.Л.: Свободно.

Н.Ф.: Книжки папа вам дарил?

Н.Л.: И читал. Вечером у нас всегда... покуда, говорю, была нормальная семья, вечером обыкновенно папа нам читал вслух. Мы сидели с Иваном, рисовали или что-то такое делали, а он нам читал. Причем, читал, сколько я помню, не только по-русски. Например, «Кармен» Мериме папа читал по-французски. Надо сказать, что бабушка моя была преподавательницей французского языка, и с ней я начала заниматься французским.

Н.Ф.: Мама отца?

Н.Л.: Нет.

Н.Ф.: Мама матери.

Н.Л.: Причем, знала она французский только по своему сиротскому институту, где она воспитывалась. И когда папу первый раз посадили, и к нам вселили такого... Щербину, который был сугубо коммунистическим товарищем, оттяпали у нас две комнаты... Ну, мы-то жили, дети, а маме, конечно, было кисло. Но тогда мы говорили с мамой только по-французски.

Н.Ф.: В присутствии Щербины?

Н.Л.: Да, у себя дома, потому что двери бывали открыты часто. Там была жена его и девчонка, немножко, на год что ли, младше меня.

Н.Ф.: А я вообще упустил, что вы еще и французский в детстве выучили.

Н.Л.: Именно в детстве. У меня две были преподавательницы: немецкого и французского. Немецкий я просто обожала! И ее тоже. Поэтому все классические стихи, и прочее...— это все было с большим удовольствием. Потом появилась француженка.

Н.Ф.: В школе или дома тоже?

Н.Л.: Дома. Первый раз я пошла к ней с большим энтузиазмом: еще будет что-то интересное! Она, увидав мое рвение, сдуру задала мне все французские глаголы во всех временах, во всех склонениях. Помню, что я сижу на диване и плачу горькими слезами, потому что выучить это не могу. Мама увидела, что это, в общем, пустой номер и не стала настаивать на том, чтобы учиться, наоборот, сразу все это прикончилось. Поэтому у меня французский был такой «детский разговорный». Но когда через... не знаю, шестьдесят лет я попала в Париж, а я была там не по путевке, не с группой, была совершенно одна и жила у русских. Но все работали, все при деле были, и я по Парижу ходила сама. И когда мне нужно было что-то спросить, я долго-долго комбинировала что-то такое, потом подходила к ажану и спрашивала его. И что-то понимала, когда он мне отвечал. Так что, такая именно домашняя, бытовая речь была совершенно свободная.

А английский уже я учила в университете. Я немецкий сдала сразу, в первый же год, и учила английский. Потом, когда поступила в Библиотеку иностранной литературы, тут у меня буквально несколько занятий было с преподавательницей из университета, которая была одной из самых близких Мильниных подруг. Так что ей никаких денег платить не надо было. Но у меня была поставлена цель. Тогда «По ком звонит колокол» Хемингуэя не был переведен на русский. Во всяком случае, мне никакой перевод не был доступен. И я поставила себе целью: прочитаю его. И прочитала (*усмехается*). Но в библиотеке мне нужен был английский язык больше всего.

Н.Ф.: Мы начали с того, что папа вам читал по вечерам и, в том числе, читал Мериме, которого вы не очень, наверное, все-таки понимали, не каждое слово.

Н.Л.: Тогда все понимала.

Н.Ф.: Все понимали?

Н.Л.: Тогда все понимала! Как-то даже и речи не было, что надо там что-то...

Н.Ф.: Поразительно, что он находил время и силы на это. Все-таки он очень много работал в лаборатории, я думаю.

Н.Л.: Да, да.

Н.Ф.: И после этого у него были силы, чтобы вам читать, вас собирать, и это доставляло всем удовольствие.

Н.Л.: По-видимому. Во всяком случае, так было долгое, долгое время.

Надежда Левитская с братом и отцом

Н.Ф.: Мы говорили о том, что книги — это ваш мир, а с окружающими была некая дистанция.

Н.Л.: Как-то не было у меня, собственно говоря, в школе никаких близких приятельниц. Одна была хорошая девочка из самой простой семьи. Жили они в страшном общежитии. Но когда в восьмом классе стали брать деньги, она уже не смогла учиться.

Н.Ф.: А было платное после восьмого класса?

Н.Л.: С восьмого класса как раз ввели тогда плату за обучение, и она не смогла учиться. Хотя она хорошо училась, но была семья, работали все: отец был, не знаю, то ли плотником, то ли слесарем. В общем, рабочим. А мать, наверное, разнорабочая, а может, вообще не работала.

Н.Ф.: То есть восьмой класс, для вас пятнадцать лет, это был 40-й год...

Н.Л.: 40-й год. 40-й — 41-й.

Детство Миливны

Н.Ф.: И вот знакомство с Миливной. Если можно, о ней.

Н.Л.: Хотите, я вам альбом покажу?

Н.Ф.: Альбом мы смотрели уже.

Н.Л.: Мильнин? Мы смотрели Левитский...

Н.Ф.: Ну, давайте, но только чтобы вы рассказывали.

Н.Л.: Это Таганцевская гимназия.

Н.Ф.: Какой выпуск?

Н.Л.: Выпустили в 14-м году. Вот тут все написано.

Н.Ф.: А это ваш почерк?

Н.Л.: Мой. Это было сразу после Мильниной смерти, поэтому все помнилось еще очень хорошо.

Н.Ф. (*читает*): Среди гимназисток: Татьяна Дурнякина, Ирина Викторовна Добровольская...

Н.Л.: Жена, между прочим, Краснова, который в «Архипелаге», нет, в «Августе 14-го» существует.

Н.Ф. (*читает*): Зинаида Раутина, Раутинов я знаю, кстати, в Москве.

Н.Л.: Она рано умерла.

Н.Ф. (*читает*): Зинаида Андреевна Черепенникова.

Н.Л.: Вот с этой я была хорошо знакома. Она уже на моей памяти скончалась.

Н.Ф.: Тут два батюшки...

Н.Л.: Один черный, как Милиевна говорила, другой — белый.

Н.Ф.: То есть один священник, другой — монах. Потрясающе!

Н.Л.: И какие фотографии!

Н.Ф.: Это большие-большие пластинки. Потрясающие фотографии.

Н.Л.: Вот Милиевна сама.

Н.Ф.: А, вот она. Потрясающе.

Н.Л.: А вот семейство. Это она, маленькая, бабушка, мама, вот папа, любимый дядя Вася, это тетя Надя, с которой я была знакома, которая пережила блокаду, потом ее эвакуировали, и они где-то на Урале встретились с Натальей Милиевной. Здесь можно просто пролистать, потому что это никому не интересно. Но чтоб вы видели, что это было за семейство. Могу сказать только, что Милиевна родилась в запасном корпусе Зимнего дворца. Там ее двоюродный дедушка был комендантом, в Зимнем дворце. Поэтому у него был прямой... Это следующий корпус за Эрмитажем.

Н.Ф.: Где Атланты стоят?

Н.Л.: Нет, нет...

Н.Ф.: С другой стороны?

Н.Л.: На набережную, и он соединялся с самим Зимним дворцом. У него был ключ от двери, и он мог в любое время дня и ночи туда пройти, потому что должен был за всем надзирать. Когда Керенский пришел к власти, он предлагал ему остаться. Но он, ссылаясь на возраст, болезнь и прочее, отказался. Вот такая среда была. Причем, отнюдь не богатая. Дедушка туда попал таким образом. Александр III в свое время потребовал, от кого следует, чтобы ему представили несколько самых честных офицеров. И среди них был этот дедушка.

Н.Ф.: Он был двоюродный?

Н.Л.: Двоюродный, да. Родной дедушка, по-моему, очень рано умер, Милиевна его не знала, она была поздним ребенком.

Н.Ф.: А о ней самой, о ее характере, о ее жизни, если можно?

Н.Л.: Характер был веселый... Вы, наверное, читали очерк Александра Исаевича?

Н.Ф.: Конечно, читал, конечно!

Н.Л.: Ну, вот. Сангвинический характер был. Она кончала тогда еще Петроградский университет по филологическому факультету. Но времена были жутковатые, и в Питере особенно. И голодные.

Н.Ф.: Но ее еще не отчислили как инородный элемент?

Н.Л.: Нет, она раньше... Отца ее, сначала-то, сделали военным, чем ему не хотелось быть. И как только смог, он ушел с военной службы. Я знаю, что он был гласным Петербургской Думы и одно время занимался, по-видимому, здравоохранением, как раз когда в Петербурге была холера. И у них был телефон тогда уже, а это было не так широко распространено. И каждый вечер ему должны были докладывать, где, что, сколько чего произошло. И так как его почти всегда не было дома, то телефонограммы принимала Милиевна, девчонка, совсем маленькая. И как она говорила, сначала эти, передававшие, проверяли, не переврал ли, не забыл ли чего-нибудь ребенок, который там чего-то записывал. А потом убедились, что все в порядке.

Н.Ф.: Какого она года рождения?

Н.Л.: 96-го.

Н.Ф.: 96-го. Значит, восемнадцать лет, то есть в 14-м году она окончила гимназию?

Н.Л.: Да, в 14-м году она окончила гимназию. Вот эту самую гимназию Таганцевой. Вот вы спросили, какой характер. Характер был такой. Сначала ее отдали в какую-то демократическую гимназию, куда она ходила пешком, сама. И как-то ее застали, что она где-то, я не знаю, то ли на ком-то проехала...

Н.Ф.: Верхом?

Н.Л.: ...в общем, как-то себя неподобающе вела. И тогда ее перевели в гимназию Таганцевой, где контингент был иной. И эту гимназию она кончила. Причем, училась кое-как. По литературе, по языкам все было хорошо. А с математикой и всяким прочим — полный нуль. И вот у них появилась новая преподавательница, такая Ливеровская, Мария Исидоровна Ливеровская. Человек очень увлеченный. Она была доцентом университета и пришла к ним в гимназию. И она как-то выделила среди всех эту девочку, Аничкову. И держала пари в гимназии, что она хорошая ученица и будет хорошо учиться. И сказала об этом Наталье Милиевне. Наталья Милиевна провожала ее часто. Девочки шли гурьбой, провожали, потом постепенно расходились куда-то по своим домам, а Милиевна шла с ней почти до самого ее дома. Потом она была вхожа в этот дом, ходила туда.

Н.Ф.: Знакомство с Ливеровскими не случайно? Она родственница Ливеровских*?

* Имеется в виду семья А.А. Ливеровского (см. ниже).

Н.Л.: Нет, она не родственница, это была ее обожаемая преподавательница. Надо читать Мильнины рассказы: это все у нее...

Н.Ф.: Они опубликованы? Этого я не слышал.

Н.Л.: Нет, нигде не опубликованы. Мой грех, не сумела я это сделать, даже сейчас, когда все всё публикуют, издают.

А в свое время Александр Исаевич прочитал, очень одобрил, сказал, что пишет Милиевна «с французской легкостью...»

Н.Ф.: Она тоже была «книжный человек», тоже очень много читала? Если она в лагерях с мешком книг путешествовала.

Н.Л.: Да, с мешком книг не для себя. Не для себя. У нее была именно просветительская жилка, ей всегда хотелось, чтобы все приобщились к тому, что она знает, что она умеет.

Н.Ф.: Она шла в народ фактически. Но это все-таки не из ее среды, модус такой, это ее собственные...

Н.Л.: Да, это от нее. А потом, понимаете, время становления — это были самые... 17-й — 18-й год. Она же, как только началась война, поступила на сестринские курсы, Крестовоздвиженские, кончила их и сразу же уехала... такой был санитарный поезд.

Н.Ф.: То есть Земгор или...

Н.Л.: Да, земгоровский. Она работала тогда где-то на Двинском фронте. Там всякое было.

Н.Ф.: Ну, еще бы!

Н.Л.: Вообще, тут так получилось. Отца ее умер... не умер, а погиб, можно сказать, в 18-м году. Его забили матросики.

Н.Ф.: Он же не был военным?

Н.Л.: Он военным не был, но имел неосторожность по старым привычкам ходить в какие-то рестораны. И всех, кто там был, выволокли и хорошо обработали...

Н.Ф.: А что был за налет? Они отнимали деньги или что-то...

Н.Л.: Да ничего. Это был образ жизни. Видели, что сейчас в Киеве творится, что сейчас на Украине делается? Берут за галстук и трясут тебя. Видели вы это или не видели?

Н.Ф.: Я телевизор не смотрю.

Н.Л.: Слава богу, что не смотрите. Вы бы посмотрели на эти морды.

Н.Ф.: Конечно, могло быть все, что угодно, я понимаю.

Н.Л.: Матросики пришли в «Асторию» и стали всех... Тем более, что это же люди, которые не могут сопротивляться. Так что отца не было, была мама. Потом были еще какие-то ...юродные, не знаю какие-то, не самые близкие сестры, которые там жили.

Н.Ф.: Они продолжали жить в этом крыле?

Н.Л.: Нет, нет! Дедушка на старости лет женился. И Милий Адрианович тоже как-то остепенился, все-таки семья появилась, и он уже где-то жил. Даже не знаю, где они жили. А, мамина сестра была довольно богатой женщиной, и у нее был свой дом, и, вероятно, не один. Потому что какой-то дом она подарила Милию Адриановичу. То есть, подарила этому семейству. Где-то на Белосельской, Белозерской... боюсь соврать. Я топографию Питера плохо знаю. Что-то я начала...

Семья Милиежны

Н.Ф.: О том, где они жили, что она осталась без отца, который погиб в начале 18-го.

Н.Л.: Да, в 18-м году. Во всяком случае, в эти революционные годы, когда еще рестораны какие-то где-то были и кто-то в них ходил. Ну, а он физиономией не вышел. Как теперь сказали бы: «устроили фейс-контроль» (*смеется*). Они жили... была Таня Аничкова, она потом эмигрировала и стала художницей на Западе. Была Вета Аничкова, преподавательница английского языка. Ее арестовали, ее портрет в «Архипелаге» есть, она была расстреляна. Это все там крутилось...

Н.Ф.: Это какие-то ...юродные?

Н.Л.: Да, не знаю, троюродные, еще как-то. Где-то есть у меня схемка, не мною деланная. И тоже озоровали, надо было дрова воровать где-то. На Дворцовой площади во время какого-то грандиозного собрания с иллюминацией эта Таня Аничкова выкручивала лампочки из иллюминации, потому что лампочки не продавались (*смеется*). То есть жизнь была совсем тогда не аристократическая и не салонная. Все, что угодно, только не это.

Н.М. Аничкова. Фотография со справки об освобождении. 1955

Н.Ф.: А почему же остатки семьи Натальи Милиевны не попытались эмигрировать?

Н.Л.: Не знаю, знаю только, что эмигрировала Таня Аничкова и Иван Васильевич Аничков, брат Натальи Ивановны, с которой я была знакома и которая тогда тоже в Петербурге... ее-то вышибли из университета. Она младше была, и ее из университета вышибли как дворянку.

Н.Ф.: И где-то уже в эти годы Наталья Милиевна поступила в Петроградский университет?

Н.Л.: Когда кончилась Крестовоздвиженская община, в которой она была в Красном кресте, она приехала в Петербург, или тогда Петроград. И, наверное, в это время она и ушла, ушла из военных и перешла в студенты. Это были годы, когда студенты сидели, не снимая зимнего пальто, и писали в перчатках, потому что худо было. И все... именно разваливалось все. Потом, кругом сажали всех. Ее самый любимый дядюшка, Василий Иванович* Аничков, выбросился с какого-то этажа...

* Оговорка: Василий Адрианович. См. Левитская Н.Г. Наталия Милиевна Аничкова /1896 – 1975/ // <http://rautian.ru/?story&id=1033>

Н.Ф.: За ним пришли?

Н.Л.: Еще не пришли. Он учился в Политехническом, был студентом Политехнического института. Но тоже физиономия была неподходящая. Осталась живой только Надежда Адриановна. Она во многих местах тут есть. А это все дядя Вася. И когда в 23-м или в 22-м году умерла мама, осталась она совсем одна.

Н.Ф. (смотрят фотографии): Это с папой?

Н.Л.: С папой. А вот это Нина Седикова, потом обнаружилась в Швеции где-то. Так что вокруг уезжали. Ее обвиняли в том, что она помогала... когда в поезде работала, помогала бежать многим, прятала. Она же была на Псковском фронте, а это близко, оттуда как раз многие бежали. А это уже война.

Н.Ф.: То есть она какое-то время работала, уже после революции, все еще санитаркой?

Н.Л.: Да, по-видимому, по-видимому. Вот это 16-й год, видите, она еще на лошади. А это ее будущий муж, Петр Петрович Арапов. Так и не зарегистрировались они. Милиевна не хотела, и потом, после войны, его посылали в Германию, и он говорил...

Н.Ф.: То есть после Второй мировой?

Н.Л.: После Второй мировой. Он говорил: «Придется тебе зарегистрироваться!» И ничего. Умер. Вот, специально две карточки вместе: это они в Двинске, а это в Тегеране.

Н.Ф.: Когда же они попали в Тегеран?

Н.Л.: Во Вторую мировую. Видишь, совсем молоденький... Ну вот. А тут она бросила в Питере все, что там было с тетей Надей, у нее они в том же доме жили. Все Аничковы жили в этом доме — Милия Адриановича. И переехала в Москву. И очень скоро вышла замуж, соединила свою судьбу с Петром Петровичем. Он воевал в первую войну, потом в Красной армии где-то с басмачами воевал. Потом приехал в Москву, ему дали какую-то комнатку на Живодерке. Хорошее название... улица Красина потом стала. Там была одна достопримечательность: дом был высокий, многоэтажный, а туалетов не было. И сверху, с пятого этажа, надо было бегать куда-то.

Н.Ф.: Что, во дворе были такие, общественные...

Н.Л.: По-видимому, по-видимому, я не уточняла. Да, и в то время, что Наталья Милиевна жила еще в Питере, еще мама была жива, она несколько лет подряд, именно летом, ездила в экспедиции с таким Глебом Юрьевичем Верещагиным в Карелию. И с того времени буквально влюбилась в Карелию... Вот видите, это все...

Н.Ф.: А экспедиции были какого плана?

Н.Л.: Он был лимнолог. Специалист по озерам. Он был потом директором Байкальской лимнологической станции. И во время Второй мировой войны Наталья Милиевна уехала именно туда, на Байкал.

Вот это все вагоны-канцелярии. Хрущев — не тот. Аничкова, Ахрименко, все тут. Вот они хулиганят: снимаются, обнимаются и фотографируются, чтобы потом послать домой. Это Первая мировая война... Воротынцев, Татаринов... А Сергея Викторовича Воронцова-Вельяминова я еще застала. Он был известен тем... когда сидел... да я, говорит, все каналы товарища Сталина рыл?

Н.Ф.: Он тоже офицером был?

Н.Л.: Очаровательный был человек! Да, офицером, но не из блестящих, а из таких, как капитан Тушин у Толстого. Очень Милиеву любил, и она его любила. И вот эту Наталью Ивановну, тоже Аничкову, я застала. Она в заповеднике жила, по всем заповедникам ездила. Ее выгнали из Ленинградского университета, и она потом всю жизнь по экспедициям и по заповедникам. С мамой, с книгами, с какими-то невероятными вещами... Говорю это, потому что мне досталось разгрести ее наследство, когда уже Милиевны не было.

Н.Ф.: Это она работала в Дарвиновском...

Н.Л.: В Дарвиновском заповеднике работала.

Н.Ф.: Кто она была по специальности?

Н.Л.: Она гидробиолог, собственно. Но так и не кончила университета.

Н.Ф.: Тоже Аничкова ее фамилия?

Н.Л.: Тоже Аничкова. Ее очень ценили и считали очень эрудированным, по-настоящему ученым, но она так ничего и не смогла защитить, ничего, потому что какой-то хвост тянулся за ней. У меня до сих пор лежат какие-то вещи от нее, совершенно неизвестно, для чего нужны, скорее всего, не нужные. А вот это хулиганские всякие фотографии. Но я их все равно... Правда, у меня племянница очень такая... не дай бог, нехорошее слово сказать. Поэтому ее эти фотографии очень шокировали.

Н.Ф.: Чего ж тут хулиганского?

Н.Л.: Нет, там были такие... Вот, видите? Ну, как же! Фу! Разве можно (*смеется*). Ну вот. С тех пор, как Наталья Милиева попала в Карелию, она буквально заболела ею. И когда только можно, где только можно, старалась именно в такой пейзаж попасть. Поэтому, когда мы вернулись из лагеря, когда уже стало как-то возможно, мы всегда ездили на Север.

Н.Ф.: А кто такой Реформатский, о котором пишет...

Н.Л.: Реформатский — это очень большой друг Натальи Милиевны. И можно сказать, что покуда его, в конце концов, в 37-м году не расстреляли, она все время между Реформатским и Араповым как-то колебалась. Он был селекционером или... во всяком случае, его первый раз тягали по делу Чайнова. И был он тогда в Долинке. Там есть не фотография, а его рисунок, сделанный во время бурана из окна. Вот, видите, это все такие... не пятизвездочные отели.

Н.Ф.: Ну, тогда их и не сыскать было.

Н.Л.: Да (*смеется*). А вы говорите, «почему она не эмигрировала?» Не стремилась. Это замечательная ее тоже десятилетняя сестра, к которой она, собственно, в Москву и приехала. И когда Милиеву арестовали и посадили, она ей все время посылала посылки, и всякие ее заказы выполняла.

Н.Ф.: А кто связан с Шереметьевыми? Вы мне рассказывали...

Н.Л.: Она жила в этом доме.

Н.Ф.: Это она сказала: «А где ваше имение?»

Н.Л.: Нет, нет, нет! (*смеется*). Это ее мать сказала! Мать ее сказала таким томным голосом... У меня где-то... а, это в другой папке есть у меня фотография.

Н.Ф.: А какое они отношение к Шереметьевым имели?

Н.Л.: Никакого, абсолютно. Просто жили вместе. А Шереметьевы, по-видимому, когда надо было... как это называлось?

Н.Ф.: Самоуплотнились?

Н.Л.: Вот, самоуплотнились ими. А вот это очень интересные две дамы: внучки Карла Брюллова. Нет, не Карла, Александра Брюллова, который архитектор. Они всю жизнь провели в ссылках. Их не сажали прямо. Может быть, и сажали, я не знаю. Но они все время были в каких-то... там или в другом месте, в ссылках. А Милиеина к ним ездила, в эти ссылки. В частности, в Тотьму. Так мы с Милиеиной в Тотьму и не успели. Я-то потом одна ездила в Тотьму. Если не были, очень рекомендую.

Путешествие с Урала в Москву

Н.Ф.: И каким-то образом Наталья Милиеина помогла вам преодолеть отчужденность? Вы начали с этого.

Н.Л.: Потом, когда все стало само собой разумеющимся, все стало ясно, нечего было скрывать, она не только это сделала. Она же мне, можно сказать, образование дала! Потому что Латвийский университет после войны — это была руина. Все, кто мог, все сбежали. Не знаю, говорила я вам или нет, что там остался только один такой старый профессор Энзелин, остальные все сбежали! На филологическом факультете он один был! А остальное, так, с бору по сосенке чего-то набралось, аспиранты какие-то были, кто-то из русских, которых отовсюду выгнали, и они здесь прибились из столичных ВУЗов. Они прибились тут, в Риге, и готовы были читать какие угодно лекции, о чем угодно. Такой был университет.

Н.Ф.: А как, в чем это заключалось, что она дала вам образование?

Н.Л.: Они с Марьей Александровной Гольдман, которая с нами вместе сидела, которая работала раньше в Ленинской библиотеке, они мне буквально лекции читали! По западной литературе, которую я совершенно не знала! Я знала то, что в детстве читала. Шиллера, Гёте я хорошо знала, мне папа прочел, слава богу. И все! Да, Шекспир был полный. Шекспира папа читал нам. А так — ничего!

Н.Ф.: Читал на английском?

Н.Л.: Нет, нет, нет. У нас было такое академическое русское издание, огромные тома. Все погубло, все сгорело. Вот. Да, а почему я начала про этих «брюлловских старушек». Потому что когда Милиеину сактировали в лагере, то с нее не сняли судимости и не разрешили вернуться в Москву. А куда? И она поехала к ним и у них прописалась.

Н.Ф.: В Тотьму?

Н.Л.: Нет, это уже был Ростов Великий. Это мы туда уже вдвоем поехали. Вот так. Такие замечательные были старушки!

Н.Ф.: Она попала со своим мужем в войну в Тегеран?

Н.Л.: Во вторую половину, когда уже он командовал здесь, в Москве. При обороне Москвы он командовал Ярославской шоссейной дорогой, она одно время была единственной, которая связывала Москву с большой землей. Он организовал на этой дороге собачью почту, собачью службу. И еще какие-то... в общем, как-то очень отличился. И поэтому, когда от Москвы немцев отогнали, то его в качестве, я думаю, поощрения, послали в Тегеран тоже командовать шоссейными дорогами. А оттуда мы ленд-лиз получали, из Персидского залива надо было везти грузы до нашей границы. И вот этим делом он командовал. И по своей, тоже очень общественной жилке, он был начальником Дома офицеров. И жили они в этом Доме офицеров. А Наталья Милиеина, значит, была сначала в эвакуации на Байкальской лимнологической станции у Верещагина, который каким-то, не знаю, десятая вода на киселе...

Н.Ф.: Родственник какой-то?

Н.Л.: ...считался родственником. А потом, когда тетю Надю вывезли в конце концов из блокады, из Питера, и она попала на Урал, то Милиеина с большим трудом, да еще с каким-то багажом, сумела с Байкала приехать туда, на Урал. Это было около Кургана где-то. А потом, когда Петр Петрович оказался в Тегеране

и прислал ей, по-видимому, какие-то бумаги, надо было ехать в Москву. И она прошла восемьдесят километров в лаптях. Специально ей хозяйка надела эти лапти и сказала: «Не снимай! Будешь спать — не снимай! Так, как я, тебе никто не повяжет». И очень хорошо она дошла эти восемьдесят километров зимой...

Н.Ф.: Обуви не было никакой?

Н.Л.: Нет, а лучшей обуви нету! Нету! Это настоящая крестьянская обувь, в которой далеко ходить можно, если уметь повязать портянки, онучи, или как они там назывались?

” Матрена ей так и сказала: «Не разувайся! Когда можно будет снять эту обувь, уже второй раз ты ее не наденешь». Вот, сначала, значит, в лаптях, потом в валенках, потом в Москве в чем попало, а потом в босоножках по всему по Ирану...

И все это феерически быстро. И надо было тетю Надю здесь оставить и прописать.

Н.Ф.: То есть, она ее вывезла в Москву?

Н.Л.: Вывезла, да, и еще тогда, когда в Москву, в общем-то, очень трудно было.

Н.Ф.: Как же, она-то пешком пошла, а тетя Надя?

Н.Л.: А тетя Надя ехала на лошади. Одна лошадь, которую откармливали, чтобы она слезла с полотенец. А то они все на полотенцах, эти лошади, висели там у них. Кучер — мальчишка какой-то, и вот этими лесами уральскими они ехали. Если б волки на них напали, была бы хорошая у них добыча! *(смеется)* Потому что никакой защиты ни от кого не было. И вообще вывезти старуху оттуда! Ну, вот, вывезла. А в поезд сесть... Билеты есть, билеты есть, все в порядке. Денег не берет проводница! Изюм не берет! Чулки какие-то особенные — не берет! Все вместе — полезай! И Милиевна наняла каких-то солдат, которые ей покидали все вещи, и влезла она в переполненный вагон, сплошь забитый...

Н.Ф.: С бабушкой?

Н.Л.: С бабушкой, да. И сидит бабушка, съезжившись. А у Милиевны, кроме всего прочего, был спирт. А там сидели мужики, играли в карты, как полагается в такой ситуации. Милиевна посулила. Моментально очистили бабушке полку, усадили, уложили, все хорошо. И вот так доехали. Так что, когда надо, Милиевна была невероятно энергична. Тогда приехать с Урала в Москву — совсем не так просто было.

В Тегеране

Н.Ф.: А меня такой вопрос мучает. Он ко многим применим, и в данном случае тоже. Как вы можете объяснить, что вот такая рафинированная девушка, родилась в Зимнем дворце, из такой семьи, окончила прекрасную гимназию, жила, в общем-то, не зная больших бытовых трудностей в те времена. Откуда такая энергия? Откуда в этих людях такая энергия?

Н.Л.: У них, у многих, тех, которые не скисли, была большая жизненная сила.

Н.Ф.: Вы хотите сказать, что это отбор? Остались только те, у которых была жизненная сила.

Н.Л.: Да, конечно, конечно. Или надо было вообще опустить крылья и помирать.

Н.Ф.: Так, и она попала в Тегеран, уже в босоножках.

Н.Л.: Да. На пробке *(смеется)*.

Н.Ф.: Как вы всё помните про нее!

Н.Л.: Эти босоножки у нас еще где-то валялись, и куда-то она в них ходила. Потому что вечные были!

Н.Ф.: Хорошая вещь, да.

Н.Л.: Вот. Мало того, что просто в Тегеран. Она ж могла там жить в какой-нибудь квартирке при советском посольстве, и всё. А так как Петр Петрович назывался «хозяин Офицерского собрания», то они жили в этом Офицерском собрании, с огромным садом. Есть у меня отдельный... А это мне нравилось: специально фотографировалась в платье, которое было сделано из портьеры, которую ей подарила тетя Надя (*смеясь, перебирает фотографии*). Это все Мильнины поездки. Вот видите, все по каким-то... ни в Крыму они не были, ни где-нибудь в курортных местах: не было у них ни денег, ни охоты ездить туда. Это после лагеря. Вот тетя Надя сразу после блокады. Вот как она жила.

Н.Ф.: За геранью.

Н.Л.: Да, Петр Петрович брал всегда несколько человек красноармейцев для хозобслуги в этот самый Дом офицеров, в Офицерское собрание. Потому что там наши несчастные солдатики были одеты так же, как если бы они служили где-нибудь в Норильске. То есть тяжелые кирзачи, с портянками, со всем, чем полагается. И эти бескозырочки, пилотки или еще как-то.

” А американцы ходили в коротких штанах, легких ботинках и в пробковых шлемах, в шляпах широких. И все у них было из холодильника. А нашим варили борщ и кашу. И они доходили на этих харчах хуже, чем в лагере. Потому что они не могли этого всего есть, когда пятьдесят градусов на улице.

Там же полагается как? Работают люди с утра до какого-то часа, потом сиеста, и пять часов никого на улицах нету. А ходить — темные очки, шляпа, то есть все стараются не попадаться на это сумасшедшее солнце. А у нас это совершенно не учитывалось. И Петр Петрович брал себе этих солдатиков в Офицерское собрание, чтобы подкормить, чтобы подлечить, чтобы они как-то немножко оклемались. Милиевна моментально это учла и стала организовывать экскурсии. Не только для офицеров, но и для солдатиков. Ездили они в горы, а в горах прохладно, причем моментально делается. Это я знаю по Душанбе. В Душанбе в городе идешь в сарафане, а наверх поднимаешься — снег идет. Вот они стоят, солдатики.

Там была группа художников. Вот рисунок одного из них — вон там, на самом верху. Такой виадук. Этот ковер оттуда. Причем, они продаются всегда парами — на две постели, естественно, должно быть. А у советских офицеров, даже в полковничьих чинах, не было столько денег, чтоб купить сразу пару. И Милиевна подговорила кого-то из офицерских жен, что «давай пополам: один мне, другой тебе». Вот один тут лежит, у меня. А на обороте, на языке Арапова: «Ишак и ослица».

Н.Ф.: И ей туда удалось попасть, несмотря на то, что они расписаны не были?

Н.Л.: Да, во время войны...

Н.Ф.: Как-то спокойнее к этому относились.

Н.Л.: А это Реформатский. Замечательное есть его стихотворение, когда они где-то были, на какой-то вечеринке, или еще где-то, или он провожал туда-сюда, они возвращались домой, и дверь в парадное была закрыта. Во всяком случае, иного хода не было: надо было лезть через крышу. И по этому поводу было написано замечательное стихотворение, двойное: «Он и она». Это они... мучительный был роман.

Н.Ф.: Это известная фотография.

Н.Л.: Да, это все он. Одновременно было все. А вот они вместе: Петр Петрович и Михаил Александрович. Какую-то они взяли тогда из немецких колоний девочку и привезли в Москву. Я уж не помню, куда она дальше девалась.

Н.Ф.: Вот это что за фотография?

Н.Л.: Это Наталья Милиеина, самая первая, лагерная, когда она паспорт получала. Вот это с Петром Петровичем, с Михаилом Александровичем. А тут оба вместе. Его отпустили потом. Жил он в Мценске, Реформатский.

Н.Ф.: Да? После Чаянова отпустили?

Н.Л.: После Чаянова отпустили. Из Долинки. Из Долинки его отпустили. Сколько-то времени он пожил. Потом ссылка в Мценск, оттуда в Орел. А в Орле расстрельное место было, их свозили всех туда. Вот был такой длительный, мучительный роман. С одной стороны, всё весело, всё как будто бы легко, а с другой стороны, в общем, бывают и тяжелые эпизоды в жизни.

Да, теперь в Тегеране. В Тегеране мало того, что она непозволительно просвещала красноармейцев, она еще завела там знакомство со священником. Никогда, никогда она не называла его ни имени, ни фамилии. Но был он, по-видимому, достаточно известен и достаточно уважаем, потому что когда шел по улице, даже иранцы кланялись ему. А он жил там от русской православной церкви. Когда надо было, уезжал куда-то. Он и в Палестину уезжал, и еще куда-то. В общем, куда надо было, туда и уезжал. И ему была доступна вся информация, которую у нас не жаловали. И поэтому Милиеина оттуда всегда приносила на хвосте что-нибудь интересенькое. Петр Петрович не очень одобрял это: «худо будет тебе за этого батю». А он был еще такой видный, высокий, широкоплечий.

Н.Ф.: Это была зарубежная церковь?

Н.Л.: Кто его знает? Наверное. Не знаю. Когда Милиеина все это рассказывала, я вообще не знала, что в Америке пять православных церквей (*смеется*). Я это тоже узнала от Солженицына. А Петр Петрович иногда говорил: «Сходила бы ты к бате, узнала бы что-нибудь...» И вокруг этого бати во время следствия столько танцев было! Я не знала ни его фамилии, ни имени, что там еще было, чего не было, кем он был. Конечно, шили всяческий шпионаж, но шпионажа не вышло. Осталась 58/10.

Н.Ф.: А Петра Петровича в этот момент уже не было в живых?

Н.Л.: Не было. Он умер в 46-м или в 47-м году, в общем, очень скоро после приезда.

Н.Ф.: А что случилось? От чего?

Н.Л.: Совершенно невероятная вещь: его запороли врачи! У него был, по-видимому, какой-то заворот кишок или что-то в этом роде. Не сделали вовремя операции, несмотря на то, что там были всякие, так сказать, покровители, и толкатель, покровитель был президент Академии меднаук Аничков, академик и прочее...

Н.Ф.: Это же родственник?

Н.Л.: Назывался дядя Коля. Но у него была такая супруга, что «шаг влево, шаг вправо — считается расстрел». Он родным сестрам помочь не мог. У него были две, весьма такие, ниже среднего оплачиваемые сестры, которые жили там же, в Питере. И когда он женился второй раз, то он им помогал только исподтишка. Но тут, Милиеина говорила, что он сделал, что мог. Но сам он ничего не мог сделать, он был патологоанатом, по-моему. В общем, они опоздали сделать операцию.

Н.Ф.: Она была там с ним?

Н.Л.: Да, да. Он приехал из Питера уже больной. Сразу в больницу и через три дня, что ли, его не стало. За то время, что они приехали из Тегерана и до его смерти они успели сменить свою комнату на Живодерке на другую комнату, уже как следует быть, со всеми удобствами. И, между прочим,

в Тружениковом переулке, рядом с которым мы жили, на Пироговке. Где сейчас квартира Солженицына-младшего. И Милиевна осталась одна, без работы, без по-настоящему специальности, без ничего.

Но тут помогли... в общем, ее устроили в Химическое общество Менделеева. И она там работала таким секретарем, дамой для приемов. Когда надо было сделать доклад о Бородине, она, главным образом, делала доклад о композиторе Бородине (*смеется*). Но со всеми академиками, которые туда были вхожи, она была в очень хороших отношениях. И когда мы вернулись из лагеря, сидевшая на ее месте сотрудница ни за что не хотела ее восстанавливать. А были сроки определенные: вы должны... я уж сейчас не помню, какой срок, но, во всяком случае, только месяцы. Если ты не трудоустроишься, то все твое прошлое, всякие твои стажи, все на свете — все пропадает. И потом ты уже никуда не денешься. И тогда Милиевна через ее голову обратилась к академикам, те нажали, и она-таки устроилась. Эти месяцы или годы даже после лагеря она работала именно там, в этом самом обществе. Там работала, а всей душой была с Обществом охраны памятников, во всяком случае сил больше тратилось на это. Как раз тогда это все создавалось.

В лагере

Н.Ф.: Ее арестовали вскоре после гибели Петра Петровича?

Н.Л.: В 49-м году ее арестовали. И, в основном, это был Тегеран. Но с ней вместе посадили ее однокашницу по Таганцевской гимназии. Загорянская, что ли...

Н.Ф.: Она на фотографии, наверное, есть?

Н.Л.: У меня нету ее.

Н.Ф.: Я имею в виду, на этой, выпускной?

Н.Л.: Нету, нету. Во всяком случае, мне не указывали ее. С которой она, собственно, никак не была связана, никак не дружила. Это была такая дама, которая не могла жить без курева, не могла жить без кофе, которую следователь расколосил буквально с первых же допросов. И она выкладывала ему такое... он даже понятия не имел, что это могло быть. Про всю эту работу в санитарном поезде, про то, что Милиевна переправляла кого-то этим санитарным поездом за границу. Этого просто никто не знал!

Н.Ф.: Это тридцать лет назад.

Н.Л.: Да, да. С ней вместе посадили еще такого гомеопата, доктора Грузинова. Они втроем были. И его так заморили в тюрьме. Он там и умер. А эта выложила, говорю, то, чего вообще никто бы и не знал. Но все-таки никакого шпионажа не могли они ей приплести. Осталась голенькая 58/10. И с этим она поехала в Унжлаг. А я с ней встретилась, естественно, в 51-м году, когда я туда попала. Ей уже было... считайте, сколько ей лет было? 49-й год, и четыре. Сорок девять и четыре. Пятьдесят три. Плюс астма, имейте в виду, у нее всю жизнь была астма. И эти приступы... есть несколько фотографий, где она сидит в подушках, потому что лежать не может. У нее было повышенное давление. Много всяких болячек, которые накапливает человек за жизнь, даже тогда еще не такую длинную. Так что она там если и работала, то работала именно где-то в хозобслуге, в санчасти. Потом повышается давление, волокут в больницу.

Н.Ф.: Но все-таки помогали друг другу? Интеллигентная женщина, не может работать, и как-то ее вытаскивали? Свои же вытаскивали? Как это получалось?

Н.Л.: Понимаете, здесь просто показательно. Все-таки, значит, ей было пятьдесят три года, как мы сосчитали. Два года до нормальной пенсии. Мама моя работала в это время. Безо всего, никаких... она была 99-го, в 51-м она попала в Особлаг в Тайшете, Озёрлаг был. И спокойно ходила на лесозаготовки. Не знаю, что она там, сучки собирала, костры жгла... Обыкновенно таких, уже пожилых женщин, ставили на костры. Но у мамы была 58-я со всеми... там 1а, не знаю, бог знает, чего там только

не было. А у Милиевины был 58–10, самый легкий пункт. Это значит, человек воровать не будет, поэтому ее можно поставить на материально ответственную какую-нибудь должность. Вот она была в каптерке. Когда меня увозили после того, как я отказалась сотрудничать, меня в тот же вечер отправляли на этап, и я от кума сразу пошла к Наталье Милиевне в каптерку. Потом в этой каптерке она сумела тоже травму получить, с какой-то лестницы летела. Там высоко надо было на лестницу залезать, чего-то доставать. Нос перебила себе. И ее опять увезли в больницу. Вот так между больницей и какой-нибудь каптеркой или какой-нибудь сестрой-хозяйкой... У сифилитиков она была. Когда я приехала в больницу, она была сестрой-хозяйкой в этом корпусе, венериков. А потом уже и время подошло.

Н.Ф.: Но все-таки вы несколько раз пересекались там?

Н.Л.: Да, да, да.

” Как-то, понимаете, сразу мы буквально вцепились друг в друга! Так нам было хорошо вместе, что все время следили друг за другом: кто, где, когда... И слава богу, что под конец мы были вместе, последние восемь месяцев. Наталья Милиевна же перетащила меня в больницу... Так вот и остались потом на всю последующую жизнь.

Ну, что вам еще сказать?

Н.Ф.: И вы вернулись, приехали в Москву. Вы могли жить в Москве, а у нее оставался минус.

Н.Л.: Да, она не могла жить. Для того чтобы жить в Москве, надо было иметь площадь, прописку... Я приехала сюда 5 ноября 55-го года. А они жили в Шереметьевском доме — самая правительственная трасса! И вход, как у нас полагалось в советское время, всегда через заднее «крыльцо». И вот наше заднее крыльцо выходило слева в этот двор, а с другой стороны, тоже заднее, тоже такое крыльцо выходило — кормушка всяких ЦК и бог знает кого — улица Грановского. Напротив больницы. Поэтому топтунов там стояло — немерено! И Милиевна говорит: «Знаешь, не будем мы мозолить глаза им и подводить наших любезных хозяев. Поехали в Ростов». И мы поехали в Ростов.

Н.Ф.: Она чуть раньше освободилась?

Н.Л.: На неделю... вот тоже, сволота такая: знают же, что я должна уходить! Знают уже! Ни за что! Ну, ладно. В общем, встретились. И остановились мы у этих старушек брюлловских, и Милиевна начала ходить по всяким милициям, чтобы прописаться. Прописались мы. На все про все ушло десять календарных дней. Вернулись назад. А Мильнина сестра, к которой она приехала, говорит, что нашла мне квартиру. Очень хорошо. Что какие-то старики пустят меня, им страшновато одним жить, я могу им помогать. Ради бога, все, что угодно. Да, и работа вроде бы нашлась. Смеяться можно: санитаркой в Балашихе. Так что у меня название «Балашиха» уже тогда как-то прозвучало. Хорошо. Я прописалась у этих стариков, а насчет работы, так мы с Милиевной поговорили потихонечку где-то в скверике, так, чтобы никому не мешать, никого не тревожить. И решили, что место санитарки в Балашихе — оно от нас не уйдет. «Поехали в Питер!» И поехали мы в Питер (*смеется*). Причем, поехали к тете Наде. А к своей тетке я не поехала. Так сказать, игнорировала ее сначала, ну, я вам рассказывала, почему.

Н.Г. Левитская и Н.М. Аничкова, 1957

Н.Ф.: Там кто-то очень боялся, муж ее боялся?

Н.Л.: Муж ее! Господи! Вы знаете, где теперь их дочка, эта Маша, доктор наук? Она живет в Девееве. Бросила все в Питере, квартиру в Большовом(?) переулке, это первый переулок от Дворцовой площади. Все оставила, живет... со всеми полагающимися там удобствами.

Н.Ф.: Постриг еще не приняла?

Н.Л.: А кому она нужна там?

Н.Ф.: Там непросто, я знаю.

Н.Л.: Вот именно! Она ехала с такой Катей Чернышовой. Так вот Катю взяли. Она молодой доктор, только что кончила университет, врач. Это им подходит. А Марью — нет... кому она нужна? Ей уже за пятьдесят или что-то... нет, нет, не надо. Они там дом купили...

Н.Ф.: Да, но это отвлечение.

Н.Л.: Не буду. Во всяком случае, тогда Маша еще в университет не поступила или только-только поступала... не помню уже... да, наверное, только что поступила. А ехала я к своей тетке. Она двоюродная сестра моей мамы. И не остановилась. Остановилась я сначала у тети Нади, хотя там была комнатка такая, что еле-еле повернуться можно было. Но через какое-то время они меня-таки переехали, что «нельзя, да что ты, да как ты можешь, да такая ты, сякая...»

Н.Ф.: Это Наталья Милиевна с тетей Надей, что надо идти к своей тетке?

Н.Л.: Да, и тетка звонит, тетка знала, что я приехала.

Н.Ф.: Тогда, конечно, обида.

Н.Л.: В конце концов, значит, все-таки я туда пошла. Надо сказать, что везде принимали меня прямо под белые руки, и все хорошо, и сколько можно, и чего только можно. Уехала я оттуда после Нового года. Вот точно таким же макаром, сначала очень долго упиралась, упиралась, потом пошла Новый год встречать у тетки Ольги Форш. И после Нового года, перед Рождеством, я вернулась в Москву! Меня там приодели, мне там денег папины сослуживцы, бывшие ученики, набрали, так что я приехала богатой невестой в Москву. Ну, думаю, квартира у меня есть, какие-то денежки есть, буду искать себе работу.

Поиск работы после освобождения

Н.Л.: Мне дали телефоны того, другого, тоже папиных каких-то сослуживцев, в частности, его последней аспирантки: такая Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская*.

* Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская (1903—1984) — генетик, известна своими исследованиями организации эукариотической хромосомы, одна из создателей отечественной школы медицинской цитогенетики.

Н.Ф.: Очень известный человек.

Н.Л.: Ну, вот. Доктор наук, она уже, по-моему, членом-корреспондентом была. Ну, хорошо. На второй или на третий день я пошла к Александре Алексеевне. Она когда услышала, что я прорезалась: «да, приходи, приходи, пожалуйста, скорее, сегодня-завтра...» Пошла. Первое, что я там увидела: стоит большой секретер, слева — Вавилов, справа — портрет моего отца. И принимали соответственно. Она очень деловая женщина, поэтому сразу же: «А как ты будешь устраиваться?» Значит, нужно искать работу. Сразу же с Марком Леонидовичем они переговорили — с мужем, с Бельговским. Переговорили, что надо ехать в Библиотеку иностранной литературы. Там один из замдиректоров по науке, такая Милица Альфредовна... забыла фамилию. Она тоже из этих разогнанных генетиков и, конечно, она и папу знала, и всё — она поможет. Я-то думала, что буду по музеям, в Третьяковку ходить. Там обнаружилось тоже знакомство, и блат, и возможность посещать бесплатно Третьяковку.

Н.Ф.: Подождите, а Прокофьева-Бельговская была в Москве? Или она устраивала вас в Питере?

Н.Л.: В Москве. Я 7-го вернулась или около 7-го. На Рождество или после. А 17-го уже вышла на работу! Десять дней только погуляла! Никогда не думала, что мой диплом мне когда-нибудь пригодится. Мне в свое время так резко сказала директриса, что «тебе места нет в системе Министерства образования!»

Н.Ф.: Какая директриса?

Н.Л.: Я вам не рассказывала, как меня распределяли и не распределили никуда.

Н.Ф.: Нет, не рассказывали.

Н.Л.: Ну, давайте тогда вернемся. Я вам рассказывала только, как меня посадили, а что предшествовало этому. Получила я свой дипломчик. Должна была получить красный диплом, а для того, чтобы его получить, я должна была выписаться.

Н.Ф.: Это непонятно. Выписаться?..

Н.Л.: Из общежития.

Н.Ф.: А, чтоб дали на руки «корочку».

Н.Л.: Чтобы «корочку» дали на руки. А до этого было у нас распределение. Все проходили это в советское время, вы знаете. Комиссия... стоишь перед ними. Я даже не помню, как это было. Во всяком случае, на две кафедры меня приглашали в аспирантуру. Ничего не действует. «Остаетесь вы без распределения. Вы получаете свободный диплом». И хорошо, и по тем временам страшно. Куда? И тут такой случай, совершенно невероятный. Рига — все-таки сравнительно маленький город. И все главные учреждения, всё на небольшом пятачке: в центре университет, тут же театр, и тут же ЦК партии, и всякие прочие

партийные учреждения. И вот надо такой встрече: просто на улице, совершенно случайно, я понятия не имела, с кем я сейчас встречаюсь. Навстречу идет женщина, и я узнаю ее: директор школы, в которой я когда-то училась. Которая ко мне очень хорошо относилась, потому что я хорошо училась и активная была в школе всячески. Когда папу посадили, она знала, что папу посадили, она тогда пыталась нас взять как-то в эвакуацию, но уже опоздали. А может, она сказала, что опоздали, может просто не взяли. Ну, естественно, такая встреча, столько лет, столько событий, столько всего произошло! Я ей все рассказала.

Н.Ф.: Все, да?

Н.Л.: Ну а что? Если я спрашиваю ее о распределении, значит, она должна все знать. Да, а что она здесь делает? А она не что-нибудь: ее фамилия была Витоиль. Кто думал до войны: ну Витоль, и Витоль, пес ее знает, кто она там. А оказывается, она латышка. Сами понимаете, директор школы — она партийная. И тут стали собирать, укреплять кадры, и ею укрепили ЦК партии Латвии. Она заведует отделом народного просвещения в ЦК партии Латвии. Она мне сразу ничего не пообещала, сказала, что должна узнать, проконсультироваться.

Н.Ф.: Может быть, не надо было ей все рассказывать?

Н.Л.: Может быть и не надо.

Н.Ф.: Но вы рассказали.

Н.Л.: Я все рассказала. Чтоб не было... она бы меня куда-то послала, а потом это вылезло бы.

Н.Ф.: Да, было бы неудобно, конечно.

Н.Л.: Выкинули бы меня и все. И никакой помощи. И к ней уже не обратишься, и ей втык был бы. И через некоторое время, то есть очень быстро, уж не помню как, по-моему, мы больше не встречались. Или она позвонила. А может, встретились где-то. Во всяком случае, формулировка ее была такая: «В системе Министерства просвещения никакого места тебе нету». Я забрала все вещички свои... да, а тут пришло письмо, или Нина позвонила из Новгорода, что следствие окончилось, маме дают...

Н.Ф.: Вы это уже рассказывали, тогда вы поехали туда.

Н.Л.: Поехала туда, и там меня загребли.

Н.Ф.: Знаете, какой момент мы пропустили? Как Наталья Милиевна получила место заведующей пекарней? Поскольку об этом пишет...

Н.Л.: Александр Исаевич?

Н.Ф.: Да.

Н.Л.: Это 58/10. Самый, говорю вам, легкий пункт из десятой статьи. И как раз таких назначали на всякие материально ответственные места. Потому что предполагалось, что воровать не будет. И назначили. Она хотела навести там порядок!

Н.Ф.: Да, да, это я помню.

Н.Л.: Это помните. Ну, вот.

Н.Ф.: И долго она билась за порядок?

Н.Л.: Я не помню, это до моей... Думаю, что очень недолго. Потому что не выпустить выпечку вовремя, к разводу, — это же ЧП! Так что не думаю, чтобы это было долго.

Н.Ф.: Понятно. Понятно. Значит, мы остановились, что Прокофьева-Бельговская посоветовала вам...

Н.Л.: Она не посоветовала, а Марк Леонидович со мной пришел, привел меня туда!

Н.Ф.: Молодцы! Генетики — молодцы!

Н.Л.: Конечно! Господи! всю жизнь молиться буду за них. Он привел меня, и мы пошли к Арсеньевой... Вот, теперь вспомнила! Оно само вдруг выскакивает! Пришли к ней и долго, как заговорщики, сочиняли, как мы напишем. Они изучали мои документы, и там написано, что «освобождается со снятием судимости». Все, значит, об этом можно не писать. И изобразили такую автобиографию, что «кончила университет, а дальше по специальности не работала». У меня ведь и трудовой книжки-то не было еще. И пошли... тогда не было отдела кадров у нас в библиотеке, а была просто замдиректора по библиотечным делам такая Зоя Лазаревна Шварцман. Которая работала в библиотеке уже сто лет, все знала насквозь и даже глубже, и я думаю, она все поняла. Но время было — 56-й год. Так что очень хорошо.

Я вам рассказывала, что потом про меня мои сотрудники, мои сослуживцы говорили? Они мне рассказывали. А у них заведующая была Евгения Исааковна Колмановская, ее вызвали, познакомили меня с ней, что «хотят туда-то, туда-то вас назначить, и что вы будете делать, можете ли, какие языки знаете...» Ну, такой, уже профессиональный разговор. А потом Евгения Исааковна возвращается в комнату — единственная комната, где сидела вся группа. Маленькая группа тогда была. И говорит: «Дают нам новую сотрудницу на каталог языкознания. Она, наверное, какая-то генеральская дочка: четыре года нигде не работала!» *(смеются)* Вот, я в качестве генеральской дочки и ходила. Потом они же мне все это рассказывали!

Н.Ф.: Понятно! Разобрались. Да, интересная история. Видимо, было очень необычно, что человека с такой биографией берут на работу к ним.

Н.Л.: Нет, в Библиотеке иностранной литературы очень много было и эмигрантов, и вот таких, приехавших из лагерей. Причем как-то Маргарите Ивановне, директрисе Рудомино, на каком-то партийном форуме, где-то там, в партийных кругах, поставили это в упрек.

” Что, почему она набирает такую публику? Шушеру такую? А она молодец была, она ответила: «Пришлите мне члена партии, знающего три языка и умеющего работать с литературой! Я его сразу возьму!»

Н.Ф.: Очень хороший ответ.

Н.Л.: «И чтобы он был специалистом по какой-то специальности, и был бы членом партии. Я его возьму моментально! Пожалуйста!»

Н.Ф.: А у вас три языка надо было знать? Не считая русского.

Н.Л.: Таких-то было... как раз таких волей-неволей было много. Брели, если знает хоть один язык. Но большая-то часть этих как раз... они знали несколько языков, причем часто экзотические, и японский, и еще какой-то, и арабский. У нас был же восточный отдел, где работали арабисты.

Н.Ф.: Уже был 56-й год, и через несколько лет вышел...

Н.Л.: ...«Иван Денисович». Вот тогда началась настоящая биография. Да, но погодите, я же еще только поселилась у этих хороших стариков, которые меня приютили. Надо сказать, что он был просто очаровательным стариком, Михаил Николаевич Краевский. А она была дама весьма с крутым характером. Мы с ней не очень уживались, особенно когда Михаил Николаевич умер. Остались мы с ней вдвоем. Последний год я уже у нее была прописана, платила ей, как положено, а жила в другом месте.

Н.Ф.: Я как-то упустил, как вы у них поселились. Вы вернулись и сразу же пошли к Прокофьевой-Бельговской. И она вам нашла через десять дней работу.

Н.Л.: Она мне нашла работу. А до этого меня прописали, я уже была прописана у них. Долго я у них жила. Значит, когда это? В 55-м, а в 59-м Наталья Милиевна получила комнату.

Н.Ф.: На Беговой как раз?

Н.Л.: Нет, в Филях.

Новая квартира

Н.Л.: Значит, как только вернулись мы, она тут же подала заявление на реабилитацию. И через какое-то время, через год, пришла реабилитация, и еще через три года, что ли, не помню уже точно... во всяком случае, когда она была реабилитирована, то встала в очередь на жилплощадь. И в 59-м году она получила комнату в Филях. А я тогда жила у Татьяны... такая была Татьяна Константиновна Владимирова, наша солагерница.

Н.Ф.: Та, которая про Колыму писала?

Н.Л.: Нет.

Н.Ф.: Та тоже Владимирова.

Н.Л.: А эта Владимирова художница. Оглянитесь, там две собачки. Снимите эту штучку, посмотрите, что на обороте написано.

Н.Ф. (*читает*): Лариса Александровна Лонговая, дружеский шарж. Наталья Милиевна Аничкова и Татьяна Константиновна Владимирова. Унжлаг. Сухобезводная. Первая больница. Да, замечательно. С трубкой еще, к тому же.

Н.Л.: А это потому, что Татьяна курила без конца! Не выпускала папиросу.

Н.Ф.: Кстати, есть портретное сходство.

Н.Л.: Так не зря же это дружеский шарж, чтобы узнавали, не перепутали. Значит, я была у Татьяны, а Милиевна поехала смотреть комнату. Когда она уезжала, мы ей наказывали, что посмотреть, на что обратить внимание, потому что она должна была согласиться, не согласиться: эту, не эту, какую-то другую, может быть. Это первое предложение было. Возвращается — глаза светятся! «Ой, там такая церковь! Нарышкинская, прямо напротив!» (*смеется*). Мы говорим: «Паркет есть?» Да какой паркет? Она ничего не видела! Никакой паркет, ничего! Только одну Нарышкинскую церковь. А церковь, действительно, роскошная. Недалеко от метро, теперь метро, тогда еще не было. Метро было Кутузовская. И тут как раз умирает тетя Надя. Нам переезжать, а Милиевна уезжает хоронить тетю Надю. И переезжала я в эту самую комнату в Филях...

Н.Ф.: А вы уже договорились, что вместе будете?

Н.Л.: Это само собой, куда ж мне было деваться? Тем более, что я жила за шкафом у Татьяниной соседки. И тогда три богатыря, такой Алеша Кристман, Андрей Верещагин и Гуга Георгиев, который теперь академик, а Андрей доктор наук (тогда он не был академиком, он был только что кончившим... даже не знаю, кончил он уже или нет), с ними я должна была по всей Москве собирать в свое время раскиданную Мильнину мебель. Потому что когда ее арестовали и Наталья Ивановна приехала, сказали, что комнату опечатают, чтобы забрали все вещи.

Н.Ф.: И она сумела забрать?

Н.Л.: Она пошла по всем... она в заповеднике живет, не туда же ей брать! Ну, у Натальи Ивановны были совсем другие представления о том, что надо сохранить, а что не надо. И когда Милиевна ее попрекала, что она, не помню, чего-то не взяла такого, очень важного, камушки какие-то, еще что-то, она говорит: «Я тебе простыни сберегла!» (*смеется*). И собирали мы, что там было. Здесь, пожалуй, даже ничего и нету из того... А, вот шкаф, этот шкаф. Причем этот шкаф, в общем-то, он хороший, он «Павел I», как сказал мне один знаток по мебельному делу. Еще что-то было там. А в комнате у нас стояло, вернее, лежало на полу два матраса. Больше ничего. Что еще? Этого не было, этого нет... это от тети Нади приехало. Милиевна поехала хоронить тетю Надю, и тетя Надя нас обеспечила мебелью. Вот это от нее. Это я привезла от Натальи Ивановны.

Н.Ф.: А тетя Надя была в Питере?

Н.Л.: Да. Вот этот столик — от Татьяны, когда Татьяна померла, он мне достался. Машинописный специальный столик. Она была виртуозная машинистка совершенно. Причем, печатать ей было совершенно безразлично — на русском, французском, немецком, английском... Вот когда польский или венгерский — было худо! Этот столик маленький, туалетный, можно было забрать. В общем, очень немного мы собрали. Но все-таки поехали по Москве, чего-то насобирали. И прожили мы в Филях два, что ли, года. А у меня-то прописка временная. Сначала на год была, а потом каждые полгода надо было возобновлять. А в милиции-то не очень. Уже мы более-менее выходили из моды, реабилитированные.

Потом я чувствовала, что, в общем, не очень имею право на какое-то пребывание здесь. Надо было в Ригу ехать. Там меня арестовали — поезжай туда! А вот тогда понадобилось... следовательно, я вам говорила, что он написал, что я «без определенного места жительства» и «без определенных занятий». Вообще нету у меня ничего.

Надо было все время жить вот так, пряча голову в плечи. Как я в университете из кожи вылезала, только чтобы у меня нигде никакой «четверочки» не было, чтоб все были «пятерки», чтоб никакого не было формального признака, по которому можно было бы меня исключить. Так и сейчас, я готова была все на свете делать, только держите меня в этой библиотеке.

И тут свалилось буквально счастье на нашу голову. «Издательству иностранной литературы», с которым библиотека была связана (мы для них обрабатывали книги, которые они потом нам отдавали, если им самим не нужно было), им разрешили построить два пятиэтажных дома, две «хрущевки». На территории Алексеевского монастыря, или Новоалексеевского монастыря, там, где станция метро была «Новоалексеевская». И они нам выделили две квартиры. В первом доме сразу же отдали квартиры парторгу, еще там кому-то, а во втором доме выделили квартиру мне и моей сослуживице, с которой вместе мы в комнате были. Но она была инвалидом. Тяжелым инвалидом, с трудом ходила, с палочкой уже, хотя была молодая. У нее был, не знаю, остеопороз или еще что-то. В общем, она не годна была для того, чтобы куда-то ходить, чего-то делать. В первом случае, когда парторгу и еще кому-то из приближенных товарищей дали две комнаты, были хорошие двухкомнатные квартиры, на каком-то приличном этаже. В общем, они въехали — и безо всякого всего. А тут нам дали две комнаты в двухкомнатной квартире со смежными комнатами на пятом этаже без лифта.

Н.Ф.: Ой, ужас! И она больная при этом. Она не может подняться туда.

Н.Л.: Вот именно. Тут надо было, до того, как квартиры распределять, выдавать нам ордера, эту квартиру надо было разменять на две комнаты отдельные. Причем, было такое условие: я одна, значит, мне не больше пятнадцати метров. Татьяна втроем: у нее родители. Значит, им больше пятнадцати или... в общем, какие-то строгие ограничения. И Таня... тогда это было не обязательно, так сказать, что в любой квартире тебе будет и ванная, и телефон, и все на свете. А она хотела, чтобы у нее в комнате был бы телефон, и ванная. Вполне естественно, когда такой больной человек.

Это все должна была проверить я. И я с работы шла в Банный переулок. Там было бюро по обмену квартир, и вечером толпилась куча народу, и все друг другу что-то предлагали. И я предлагаю свои две комнаты на пятом этаже без лифта. В недостроенном доме! Дома-то еще нету, он строится. И вот, верьте — не верьте, но я-таки нашла такого человека. Одна комната принадлежала одинокому старику, а другая принадлежала полковнику из Генштаба, не хухры-мухры, с женой и сыном. Их там три человека, и один человек. И с превеликим трудом, сами понимаете, что это не в первый день было, что ходила я туда довольно долго. Этот дедушка ходил туда, в Банный переулок. Мы с ним сговорились, и тогда началось: всё, я согласна, Таня согласна, и дед согласен, и полковник согласен, а дома-то нету! Как у нас всегда: «да, да, да, должен быть построен вот тогда-то». «Немножко не то, еще через месяц». И еще через месяц, еще через месяц. Не знаю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. В конце концов, все-таки дом построили. Да, еще было такое: дом построили, но может быть захват произвольный. Так что надо ходить и караулить в подъезде. Таня не может, а я, может, и могу, но мне все-таки работать надо когда-то, а ночами надо караулить, чтоб никто не захватил. Тогда это было довольно распространено. Значит, надо было искать кого-то, кого можно нанять, кто бы там караулил эти квартиры.

Ну, все прошло, все уже вроде и забылось, распределяют эти квартиры. Помню, в этом «Издательстве иностранной литературы» собрались мы все, кому отданы эти злосчастные метры, всех он называет: одного, другого, третьего... А потом говорит: «О, смотри, а у нас теперь полковник Генерального штаба появится!» Первый и последний раз, надо сказать, увидела я этого полковника, который действительно пришел, получил свой ордер, надеюсь, благополучно живет... ну, думаю, он уже десять раз поменял эту квартиру.

Н.Ф.: А вы поехали в квартиру этого дедушки?

Н.Л.: Да, я поехала в квартиру дедушки. Там еще ремонт они должны были делать, они ремонт сделали. Я была готова взять какую угодно квартиру, только бы въехать. И верите ли, я первые месяцы ходила платить за квартиру, как будто бы это мне платят! Первый раз в жизни я имела собственную квартиру, где никто мне не мог тыкнуть...

Н.Ф.: Там была коммуналка или отдельная?

Н.Л.: Ну конечно, коммуналка, господи!

Н.Ф.: В коммуналке еще как могут тыкнуть!

Н.Л.: А здесь уже всё, здесь мое законное! Я здесь прописана, у меня ордер есть на эту квартиру. А то я жила три года у Натальи Милиевны в Филях. Слава богу, ни разу у нас там столкновений не было. Но все могло быть. Все могло каждый день измениться. Комнату эту мы оставили. Была такая Галя Троцкая, она где-то за городом жила, тоже лагерница. И она переехала в Мильнину комнату, а Милиевна переехала в мою комнату. Там все было такое махонькое-махонькое! Этот домик до сих пор стоит. Трехэтажный. И даже он в каком-то архитектурном путеводителе есть, какая-то женщина строила его. Он в глубине двора, очень хорошо, я все там любила. Два больших окна было, комнатка-то махонькая, четырнадцать метров, и два таких высоких-высоких окна.

Ну вот, кое-как там разместились, чего-то свезли, чего-то прикупили. И буквально через неделю после того, как мы туда въехали с Милиевной, и я работала и радовалась жизни, что у меня есть свое жилье, Милиевна начала хлопотать, чтобы нам съехаться. В то время, в общем-то, было возможно получить две комнаты. У нас обе четырнадцать метров, обе, в общем-то, недалеко от центра (тогда Фили были еще без метро, но здесь-то рядом, на Русаковской улице), пешком можно было дойти до Комсомольской, рядом Красносельская. Но мы не родные. А не родным не положено съезжаться, потому что люди спекулируют.

Н.Ф.: Спекулируют чем?

Н.Л.: Вот этими обменами... не знаю, я не собиралась спекулировать, и поэтому техники, механики...

Н.Ф.: Что имелось в виду — непонятно.

Н.Л.: Но, во всяком случае, это запрещалось. Милиевна писала в одно место, в другое, в десятое... Это было при Никите. Написала Никите. Тогда все по всяким делам обращались именно к Никите. Истина в последней инстанции. Она сумела изложить все это довольно коротко, всю нашу историю: и кто мы, и что мы, и как мы... И мы получили милостивое разрешение. Приходили какие-то проверяльщики, как я обращаюсь с Натальей Милиевной: в одну квартиру приходили, в другую квартиру приходили — это нам потом соседи рассказывали, что приходили, спрашивали.

Но нельзя было, все-таки, без некоторой подлянки. Нельзя было разрешить, чтобы мы получили отдельную квартиру. Въезжайте в коммунальную квартиру с двумя разными «жировками», с двумя разными ордерами, прописками. Ну, что ж, получено разрешение, значит, можно дать объявление в бюллетене, все официально. Милиевна дала объявление в бюллетень, и снова эпопея с обменом! У нас телефона нету, у меня только на работе телефон. Есть телефон у соседей, но как-то неудобно... квартира коммунальная, но только у них есть свой телефон. В конце концов, клюнул на нас какой-то дядька, как мы говорили, помесь ежа с канарейкой. Он говорил, что мама у него армянка, отец азербайджанец, потом что отец еврей, а мама азербайджанка, в общем, путал бог знает что. Но очень деловой товарищ. Немолодой. И самое главное — из-за чего ему надо. Ему вот так надо переехать! Причем, как можно скорее! Потому что дочь его вышла замуж и собирается родить. А он тобиком быть не собирается, чтобы сидеть дома с младенцем и не иметь свободы рук. У них две комнаты на Пироговке, около Новодевичьего монастыря, роскошное место! Но комнаты проходные. А он очень бонвиванчик, и когда молодые уходят на работу, он может и даму привести, и вообще. Не хочет он быть при молодых: ему нужна отдельная

комната. И поэтому ему надо все скорее.

Н.Г. Левитская, Н.М. Аничкова, Н.Г. Шаповалова. Квартира в Филях, 1959

Милюева сходилась... а дома в Филях строил авиазавод. И они десять процентов отдавали городу, но если комната освобождалась, она переходила к ним. И когда Милюева пошла к заместителю директора авиазавода (или какой-то большой завод, который все это строил), когда Милюева пошла просить у него официального разрешения, чтоб иметь право уехать оттуда, он сказал ей: «Никакого разрешения вы не получите! Помрете — ваша комната уйдет нам. И не ходите!» Милюева, значит, этому товарищу заинтересованному сказала: «Не волнуйтесь. Я вам позвоню, когда приходить за ордером». Я не сказала, что он был дегустатором на заводе шампанских вин? И Милюева потом очень интересовалась: он ящик шампанского этому директору завода прямо туда привез или потом уже... (*смеется*). Во всяком случае, он взял своего директора шампанских вин, и пошли они не к этому занюханному заместителю, а пошли к директору! И получили это разрешение.

Н.Ф.: С ящиком шампанского.

Н.Л.: Вот Милюева и интересовалась: привез он с собой или потом! Так или иначе, он нам позвонил, когда и куда прийти. А там и райком, и райжилотдел, и все на свете. На Пречистенке, рядом с музеем Пушкина это самое здание. Старенькое, красивое... Пришли мы туда. Сначала Милюеву позвали. Ей отдельный... как называлось... в общем, что она будет здесь прописана и будет здесь жить. А потом меня. И мне он долго читал нотацию, как надо с Натальей Милюевой обращаться, как вообще со старыми людьми обращаться надо.

Н.Ф.: Подождите, это кто?

Н.Л.: Ну, тип, который нам выдавал эти «жировки».

Н.Ф.: Хотя вы въезжали в коммунальную квартиру и имели отдельные...

Н.Л.: ...отдельные ордера. Но все равно, значит, они меня обучали, как надо обращаться со старым

человеком. Въехали мы... Это, если от Новодевичьего монастыря — второй дом по Пироговке. Прямо как раз. Ну, красота! Не комнаты, а конфетки. Мы тогда говорили этому типу, когда он начал к нам свататься: «Куда вы идете? Ведь не разрешат! Во-первых, вы нам отдаете большую площадь, чем мы вам даем! — Это не ваша забота!» Ну, переезжать надо, хорошо, переезжаем. И он все рассказывал нам, какие у него комнаты, какая у него отделка, что прямо дворец, дворец он нам уступает. А потом, когда мы туда приехали... я была наверху, что-то там делала, а внизу стояла моя приятельница, смотрела, как их мебель сносят вниз, и она мне говорит: «Слушай, там на спинке шкафа столько клопов!» Во всяком случае, первые ночи мы ставили свои кровати посередине, правда, не ставили их в банки с водой, но в этом была, пожалуй, необходимость. Мы думали делать ремонт когда-нибудь весной, а тут (это в ноябре месяца было) в ноябре уже нашли какого-то мастера, ободрали всю внешнюю проводку, на которой буквально висело это непрописанное население. О-ой! Ну, въехали. Да еще с ремонтом. В общем, все было замечательно. И прожила я там сорок семь лет. С 63-го до 2011-го.

О судьбе семьи

Н.Ф.: Вы хотели рассказать, вернее, я просил вас рассказать, как вы узнали о гибели мамы.

Н.Л.: Это было в Детском селе. В Питере. Когда мы с Милиевной первый раз поехали туда, в Ленинград, и я первый раз пошла к своей тетке, примирилась с этим, пошла, и в общем разговоре сказала, что первое дело, которое мне надо сделать, — подать в ГБ какое-то заявление, чтоб мне сказали, живы ли мои родители. Я даже так не говорила, а есть они или нет. И тут Милиевна расплакалась и говорит: «Мама твоя умерла».

Н.Ф.: Не Милиевна, а тетя?

Н.Л.: Нет, Милиевна, Милиевна. И говорит: «Я виновата. В больнице, когда ты сдавала экзамены на сестру, пришло извещение». Я тогда подавала заявление там еще, чтобы узнать, где мама и что с ней. Тогда пришел ответ, ответ пришел в бухгалтерию. Там работала такая Ольга Ивановна Солищева. Она прибежала к Милиевне, говорит: «Вот, пришло такое извещение, что у Нади мама умерла там-то». И вот эти две кукушки решили, что когда я сдаю экзамены, нельзя мне, так сказать, портить настроение и прочее — не скажем ей пока. Так «пока» и осталось.

Н.Ф.: Это в каком году?

Н.Л.: Наверное, в 54-м, что ли. Вот так вот. Я была на фабрике, работала.

Н.Ф.: А про папу тогда еще не было известно?

Н.Л.: Не было известно, было только известно о его награждении. Я уже не помню, какие там заявления писала. Писала заявления и тогда получила ответ, что папа уже реабилитирован, потому что Вавилов реабилитирован и прочие генетики из его окружения. Ну, что? Поплакала, а что, помочь-то уже ничем нельзя.

Н.Ф.: А брат? Как он объявился вдруг? Как он вас нашел?

Н.Л.: Про Ивана я знала. По-моему, я знала, что он освободился в начале 55-го года. По-моему, тут сказано?

Н.Ф.: Тут все есть, да, да.

Н.Л.: 28 февраля. Я думала, что он тоже 25-го. В общем, около того освободился, это я знала. И знала, что он уехал в Хабаровск. Он уже был на воле, с воли можно было получать письма. Потому что из лагеря в лагерь не давали переписываться. И все письма, которые мама писала, она писала Татьяне Борисовне Букреевой в Киев. И она мне их не пересылала, а писала, что вот есть письмо от мамы. Она боялась, что оно пропадет. Поэтому я, собственно говоря, толком ничего не знала.

Н.Ф.: Сохранились письма все-таки?

Н.Л.: Какие-то письма сохранились. Они у меня есть, и перепечатаны. На машинке, конечно. Я потом их выставляла. Вот. Ну, съехались мы, стали жить-поживать, добра наживать. Милиевна уже на пенсии, больше всего занята делами охраны памятников, всеми этими заботами, хлопотами. Потому что тогда как раз все это только-только начиналось. А я в своей библиотеке работала себе, тихо, спокойно. Уже теперь больше мне нечего было трепыхаться. Если вы, может, что-нибудь вспомните — скажете. Все заботы и тревоги начались в 62-м году, когда вышел «Иван Денисович». И вот тогда... А мы как раз в 63-м году ездили в Кизи и во все эти места.

Знакомство с Солженицыным

Н.Ф.: Насколько я помню, это какой-то был один из осенних, ноябрьский, что ли, номер? 62-го года?

Н.Л.: Ноябрьский. Одиннадцатый номер. Так что это было осенью, а мы следующим летом ездили.

Н.Ф.: Вы выписывали «Новый мир»? Или через библиотеку как-то... как вы прочли? Не помните?

Н.Л.: Не помню, боюсь вам сказать. Во всяком случае, этого номера у меня нет. У меня есть «Иван Денисович» с надписью Александра Исаевича уже в книжечке. Союза писателей, по-моему. Ну вот. Наталья Милиевна была очень быстра на всякие письма. У меня сохранился список писем, которые она писала к Новому году. Там почти сто имен. Всем писала, и всем по-разному.

Н.Ф.: Это были письма? Или открытки?

Н.Л.: Нет. И всем по-разному. Это было великое умение у нее. И вот тут она, ничтоже сумняшеся, написала Александру Исаевичу именно про эту нашу поездку и расписала все. И получила на это ответ, очень корректный, очень такой сдержанный, с благодарностью... Но там она, кроме всего прочего, предложила ему нашу помощь.

Н.Ф.: Она сказала, что вы бывшие заключенные?

Н.Л.: Да, а как же!

Н.Ф.: Потому что, вроде тема-то — Кизи, нейтральная.

Н.Л.: Нет, нет, обязательно! И написала про меня, и написала про то, почему мы вместе. Ее письма у меня нету. Копии мы не делали, а ответ Александра Исаевича есть. Не помню, опубликовано это где-то или нет. Я много раз его читала, цитировала, когда приходилось что-то вспоминать, что-то рассказывать об Александре Исаевиче, как мы познакомились. Ответное письмо махонькое.

А еще, по-моему, в этом же году сгорела там, на «Девятинской лестнице»... там есть такая «Девятинская лестница» — это лестница шлюзов Петровских, того времени. И вот там на одном из холмов была девятнадцатиглавая церковь. Она раньше Кижей построена. В Кизях, по-моему, двадцать две головки, а тут девятнадцать было. Церковь, конечно, закрыли, внизу, в подклете устроили сеновал. Она была огорожена, хороший у нее был участок, а сразу же за заборчиком был магазин, где продавали спиртное. И, конечно, оттуда, из магазина, прямым ходом сюда, здесь хорошее местечко. Прямо высоко над каналами можно зайти. А когда дождик, можно зайти в этот сеновал: он, конечно, не закрывался. Выпить, закурить... в общем, сожгли эту церковь. Милиевна написала Александру Исаевичу об этом...

Н.Ф.: Это уже второе было письмо?

Н.Л.: Второе было письмо. Вроде бы ответ на то, которое он прислал.

Н.Ф.: Она хотела поддержки какой-то? Она же была в Обществе охраны памятников, это огромная трагедия была?

Н.Л.: По-моему, никаких просьб не было, а просто извещение. И на это Александр Исаевич ответил. Очень хорошее письмо. Первое письмо было: «Уважаемая Наталья Милиевна, то, пятое-десятое». А здесь

уже «Дорогая Наталья Милиевна» и большое письмо. Может, там еще какое-то промежуточное письмо было, не знаю, с ее стороны. И тут он расписал, что «надо бы повидаться». Может, она писала, что «мы можем вам помочь». Во всяком случае, здесь уже была не формальная благодарность, а по существу. Он написал, что «надо бы мне туда съездить, потоптаться среди этих мужиков, может, я такой рассказ даже написал бы».

Н.Л.: Очень может быть. Дом Корина был рядом с нами.

Н.Ф.: И вы с ним как-то общались и дружили?

Н.Л.: Весьма.

Н.Ф.: А как познакомились? Может быть, через охрану памятников? Он, наверное, тоже был...

Н.Л.: Нет, нет, нет. Это много раньше было. Не буду врать, потому что просто не помню. Но жили мы рядом. Даже на улицу выходить не надо было. Здесь первый корпус, здесь наш корпус, а вот здесь пройти — дом Корина.

Н.Ф.: То есть у Натальи Милиевны была такая идея: познакомиться с Солженицыным именно для того, чтобы ему помогать?

Н.Л.: Никакой идеи не было.

Н.Ф.: У него сформулировано так, что «предложили помощь и еще про Корина упомянули».

Н.Л.: Ну, да, да, любая помощь. А вот еще и Корин, что и состоялось потом. Потом, наверное, в 64-м он пришел к нам. В 64-м... значит, еще было старое здание библиотеки, потому что в новое мы переехали в 66-м. Во всяком случае, среди бела дня телефонный звонок...

Н.Ф.: В библиотеку?

Н.Л.: В библиотеку. И Наталья Милиевна таким холодным, директивным голосом говорит: «Приезжай сразу домой». А я всегда боялась: то неотложку ей вызывали, то еще что-нибудь. Она ничего не сказала, ничего тревожного, но я к своей заведующей, говорю: «Звонит Наталья Милиевна, мне надо домой ехать. — Пожалуйста, поезжай». Приезжаю, и буквально через пять минут после меня приходит Александр Исаевич. И вы знаете, как-то сразу было ощущение... общности какой-то, что мы знакомы уже сто лет! И сразу к делу.

Н.Ф.: И у вас, и у Милиевны, и у него?

Н.Л.: Да, да. И никаких сантиментов, никаких там направо, налево, каких-то куда-то подходов... Ничего!

Сразу к делу: «Я очень заинтересован... мне нужны помощники». И нужны именно с иностранными языками, но можно и без. И сразу же жесткие условия, чтобы о нашей работе с ним кроме нас троих никто ничего не знал. То есть никаких побочных связей, никто не должен знать. Это во-первых. Во-вторых, никаких случайных встреч.

Н.Ф.: Его с кем-то?

Н.Л.: Да. Если он приходит, чтоб здесь никого не было, и сразу за дело. Никаких чаев-кофеев.

Н.Ф.: То есть это все было оговорено? Именно такими терминами? «Никаких чаев-кофеев»?

Н.Л.: Все было сразу. Да никогда и не было.

Н.Ф.: Я понимаю, он сказал, что на это времени нет.

Н.Л.: На это времени нету. «То, что я вам буду давать, давать буду только вам. И никуда это не должно уйти, утечь». Надо сказать, что я ни разу не нарушила всех его правил. Никогда! Милиевна нарушила.

Н.Ф.: А Александр Исаевич хоть раз ходил на это ваше...

Н.Л.: Нет! Все обещал только. Обещал много раз.

Н.Ф.: Но описал очень душевно. Действительно, я тоже не был, но как будто представляю все перед глазами. Я так понимаю, задания от Александра Исаевича, которые вы получали, часто бывали связаны именно с работой с текстами иностранными? Вы делали ему рефераты?

Н.Л.: Это уже главным образом для «Августа» и для «Красного колеса».

Н.Ф.: Но довольно много воспоминаний на языках существует о русских лагерях. Или такие книги были недоступны?

Н.Л.: Это уже потом, это уже потом. «Архипелаг»-то вышел в 62-м...

Н.Ф.: Нет, не «Архипелаг», а «Один день Ивана Денисовича».

Н.Л.: А, про «Один день...». Как он готовился — я не знаю.

Н.Ф.: «Архипелаг» в 68-м закончен был, а вышел в 73-м, в декабре.

Н.Л.: В 68-м, да, в основном, в 68-м. В 68-м мы перепечатывали. Мы считывали его. Люша перепечатывала и эта несчастная Вороньянская*.

* О работе с Солженицыным Елены Чуковской читайте беседы по ссылке — <http://oralhistory.ru/members/chukovskaya>

Об архиве Солженицына

Н.Ф.: Расскажите, пожалуйста: это тоже очень важный момент, когда был провал архива. Такой очень-очень важный и острый момент.

Н.Л.: Наталья Милиевна видела его в тот момент. И она как раз мне уже пересказывала, что был Александр Исаевич, но в таком виде она его никогда не видела. Он считал, что уже все пропало, все.

Н.Ф.: Это когда у Теушей* архив забрали?

* Теуш Вениамин Львович (1898—1973) — в5-м приложении к «Бодался теленок с дубом» В.Л. Теушу и его жене Сусанне Лазаревне посвящена целая глава.

Н.Л.: Да, забрали архив. Главное там «Пир победителей», которым его все время потом тыкали в нос: «Пир победителей», «Пир победителей».

Н.Ф.: А он заходил — вас не было, вы были на работе?

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: И после этого вы, собственно, передали рукопись, материалы, там было уже что-то написано? Уже шла подготовка к «Архипелагу»?

Н.Л.: Вы знаете, у него тоже была с самого начала, так сказать, четкая установка: одно из двух. Или вы распространяете, но тогда у вас не должно быть никаких текстов, у себя ничего не хранить. У меня же очень мало чего осталось. Потому что все отдавали, все отдавали. Иногда он прямо писал адрес, куда надо отнести, кому передать, и я ходила и отдавала.

Н.Ф.: Например, что? Просто какие-то его тексты? Его тексты для распространения?

Н.Л.: Какие-то тексты его надо было куда-то, кому-то, для чего-то передать. Или взять от кого-то. И потом уже никогда я больше туда не ходила. И не знала этих людей. Собственно, знала я по-настоящему одну Люшу Чуковскую. Вот это была постоянная связь. А все остальное было более или менее случайно. Несколько раз видела Александра Александровича Угримова. Замечательный был человек. Есть его большой том воспоминаний. Он из эмигрантов, из «возвращенцев», которых очень быстро посадили. И он прошел все, что следовало пройти.

Н.Ф.: Он не входил в этот круг помощников?

Н.Л.: Входил. Он был главным... он назывался «кучером», потому что один имел машину. У Александра Исаевича был...

Н.Ф.: «Москвич»?

Н.Л.: «Денис», как он его называл, но когда он разошелся с Натальей Алексеевной, он отдал ей машину, и у него машины не было. Он всюду ходил пешком.

Н.Ф.: То есть с года 70-го — 69-го?

Н.Л.: Да, 69-й — 70-й.

Н.Ф.: И что же, про Александра Александровича Угримова вы начали рассказывать?

Н.Л.: Я буквально, ну, два раза если видела — слава богу. Знаю точно, что он был в Борзовке тогда, когда отмечалось, что «Архипелаг» ушел на Запад.

Н.Ф.: А вас не было?

Н.Л.: Меня было, я была!

Н.Ф.: Такой очень важный момент, когда надо было спрятать после провала архива у Теушей, даже не у самого Теуша, а у какого-то его...

Н.Л.: Зильберштейна, по-моему.

Н.Ф.: Да, да, да. Знаю. Знаю.

Н.Л.: Он нарушил заповедь Александра Исаевича. Сказано было: «не давать». А вот дал, да еще на хранение кому-то.

Н.Ф.: Да, и уже как-то это все постфактум было, когда он что-то отдал. А он в это время хотел спасти «Архипелаг ГУЛАГ». «Архипелаг ГУЛАГ» уже был начат. И вы передали Тэнно*...

* Георгий Павлович Тэнно (1911—1967) — морской офицер, переводчик, спортсмен, политзаключенный, «убеждённый беглец», автор одной из глав «Архипелага ГУЛАГ».

Н.Л.: Что я Тэнно передавала — не знаю. Он принес завернутое...

Н.Ф.: Александр Исаевич привез?

Н.Л.: Да, да. И я должна была передать Тэнно. И я ему в лифте передала этот пакет.

Н.Ф.: Как это было? Вам сказали точную дату?

Н.Л.: Он пришел...

Н.Ф.: Вас не было в это время?

Н.Л.: Не помню, совершенно не помню. Помню только, что в лифте это произошло каким-то макаром.

Н.Ф.: А где это было?

Н.Л.: В лифте, в нашем, на Пироговке. Там семь этажей было, и был старый лифт такой, знаете, с открытыми...

Н.Ф.: И вы знали, что он к вам войдет?

Н.Л.: Не знаю, не помню. Во всяком случае, он пришел. Значит, договаривались когда-то по телефону, договорились, и он пришел и забрал.

Н.Ф.: И вы не смотрели этот пакет, естественно? И не знали, что передаете?

Н.Л.: Понятия не имела. Сказал Александр Исаевич «передать такому-то», и все.

Н.Ф.: Но сейчас вы знаете, что там было.

Н.Л.: Атомная бомба была! (*смеется*) Были какие-то вещи Александра Исаевича, и все. Я отдала и не смотрела. Мне не было сказано смотреть, я и не смотрела.

Н.Ф.: Но он пишет, что там были все подготовительные материалы к «Архипелагу ГУЛАГ».

Н.Л.: Очень хорошо.

Н.Ф.: Глава «Каторга», уже написанная.

Н.Л.: Совершенно не помню. Это один из мелких эпизодов для меня был, потому что очень много было таких поручений на один раз. Сказано — надо сделать.

Н.Ф.: А еще он писал, что его привлекало то, что у вас двор проходной. Как это могло повлиять?

Н.Л.: Не знаю. Двор был тогда насквозь проходной! То есть были две большие арки, потом между корпусом А и корпусом Б был выход к рынку и к квартире Корина, а с другой стороны, где военные общежития, — там долгое время не было никакого забора. А потом был забор с дырками, через которые можно было очень хорошо ходить и очень удобно. Потом заделали. Но я никогда не знала, пользовался он этим или нет.

Н.Ф.: А Борис Абрамович Петрушевский. Это же, как я понимаю, родственник Натальи Милиевны?

Н.Л.: Нет! Он никакого отношения не имел к родственникам, это просто знакомый. Причем, так сказать, опосредованно, через жену и через свояченицу.

Н.Ф.: Его жену и свояченицу?

Н.Л.: Жену. Была такая Варвара Александровна Курсанова, с которой Наталья Милиевна очень дружила. И у нее была, по-моему, двоюродная сестра, тоже Варвара, которая была замужем за этим Петрушевским. Как ее по отчеству, не помню. А Варвара Александровна Курсанова — урожденная Врангель. Это давнее какое-то знакомство и очень надежное знакомство. Вот поэтому к этому Петрушевскому Наталья Милиевна и поволокла...

Н.Ф.: Но это все делала Наталья Милиевна, вы не знакомы были с ним?

Н.Л.: С Петрушевским? Была знакома, мы ездили в гости туда просто.

Н.Ф.: Наверное, его давно уже нет в живых?

Н.Л.: Да, конечно. Он был, наверное, ровесником Натальи Милиевны. И Варечки уже наверняка нету. Ну, это очень давняя история.

Н.Ф.: А потом был тоже хранителем...

Н.Л.: Ливеровский. В Питере. Да, в Питер это я возила, но и мы с Милиевой как-то возили...

Н.Ф.: Вы и Елену Витальевну Бианки знали?

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: Я тоже ее знал.

Н.Л.: Ну, вот. Потом с этим экземпляром было так. Когда умер Ливеровский, то... не помню, как ее звали...

Н.Ф.: Это жена — Елена. Елена Витальевна.

Н.Л.: Елена Витальевна, точно. Она мне писала, что хотела бы Александру Исаевичу передать этот экземпляр. Это уже было, когда он вернулся, по-моему. Не помню... наверное, наверное.

Н.Ф.: Нет, она выкопала его в 89-м году. До возвращения. Он вернулся в 94-м. Осенью, как только издали, она выкопала.

Н.Л.: Во всяком случае, Александр Исаевич ответил так: «Это уже не мой архив, это архив Ливеровского. Он большой ученый, поэтому надо отдать его в Академию наук, где создавался его архив, он был хранителем». Александр Исаевич задыхался от этих текстов, ему где-то хранить их надо было.

Н.Ф.: Это финальная версия, я так понимаю, не промежуточная.

Н.Л.: Во всяком случае, это то, что я ответила ей с его слов. Я предложила ему, что есть такая... он, по-моему, путает яблони в Москве и в Питере, но я могу точно сказать, что про этот экземпляр он сказал, что «это уже не мой архив».

Н.Ф.: Понятно, у него, конечно, колоссальный был архив. Давайте уже, наверное, заканчивать, потому что я вас замучил в этот раз. Расскажите только, как вы правили «Архипелаг»? Последнее.

Н.Л.: Никак не правила.

Н.Ф.: На основе какого-то экземпляра? Они перепечатывать закончили 3 июня, по-моему, 68-го года.

Н.Л.: Все это время я ездила туда, брала листы.

Н.Ф.: Кусочками.

Н.Л.: Да, сколько напечатали — столько и забирала, чтобы они там не лежали.

Н.Ф.: А какой был в этом смысл? Ведь тем, что вы туда-сюда ездите, вы привлекаете внимание?

Н.Л.: Не знаю.

Н.Ф.: Потом, у вас коммунальная квартира, все лежало у вас, все пять экземпляров.

Н.Л.: Ну, у меня кусок лежал. Не знаю, было так, ездили. Помню, лето было хорошее такое, солнечное лето. Что-то я считывала, не помню даже с кем, прямо лежа на траве где-то. Что-то увозили и мы с Милюевой вдвоем.

Н.Ф.: Давайте на этом закончим, я вас замучил в эт от раз, это точно! Спасибо вам большое!